

ミイラとりのドランカー (Miiratori no Drunker)

ЖЕРТВА АЛКОГОЛЯ

В кабинете школьного совета проходило очередное заседание.

— Итак, господа. О проводящемся послезавтра фестивале искусств... кгхм!.. — едва начав свою речь, Ацунобу Хаясимидзу закашлялся.

Высокий молодой человек с благородными чертами лица и гордой осанкой. Очки в латунной оправе только подчёркивают его незаурядный ум и проницательность... И всё же вид у него какой-то нездоровый.

Нет, сказать, что он нездоров, — не совсем верно, скорее взгляд его какой-то рассеянный. Будто совершенно не замечая сидящих за большим столом членов школьного совета, он, наморщив лоб, продолжал молчать, словно потеряв дар речи.

— Сэмпай?

Когда его окликнула Канаэмэ, Хаясимидзу пришёл в себя и слабо покачал головой.

— Гм... Пардон. Всё в порядке. Итак, насчёт фестиваля искусств... — снова закашлявшись, он схватился за стол и тяжело опустил голову.

— Ваше превосходительство? — обратился к нему Сосукэ Сагара, но тот протестующе помахал правой рукой.

— Нет... Не стоит беспокоиться. Просто небольшая простуда.

— Невероятно. Вы действительно простудились, сэмпай? — произнесла Канаэмэ.

Хаясимидзу вяло посмотрел в её сторону, придавив висок кончиками пальцев.

— Как говорят суеверные люди: «Только дураку всё нипочём».

— Нет, не совсем так. Скорее: «Что дурак, что гений — всё одно — человек».

— Вот именно, я тоже всего лишь человек. Мне необходимо есть и спать. И хотя бы раз в году я простужаюсь.

— Хм-м...

— Теперь о главном — послезавтрашнем фестивале искусств, — сказал Хаясимидзу, взяв себя в руки. — В этом году мюзикл «Команда “А”¹: молодые и пылкие — Ад осаждённой Кхесани²» театральной труппы «Уки»³ получил высокую оценку всех учеников школы. Зал уже бронирован. После окончания представления актёрам и постановщику торжественно вручат цветы — этим займутся члены школьного совета. Надеюсь, никто не против?

Никто из ребят не возражал.

— Замечательно. После состоится небольшая пресс-конференция. Поэтому необходимо постановить, кто будет вести эту встречу...

Поймав на себе взгляд Хаясимидзу, Канаэмэ запротестовала:

— Я не согласна.

— Успокойся. Проводить встречу буду я. Говорят, художественный руководитель этой труппы, Такэси Харакасу, чрезвычайно суровый человек, и даже старшекласснику он

¹ «Команда "А"» (англ. «The A-Team») — популярный американский комедийно-приключенческий телевизионный сериал.

² Осада Кхесани — сражение между Народной армией Вьетнама и Корпусом морской пехоты США за военную базу Кхесань во время Вьетнамской войны. Осада Кхесани является одним из наиболее известных и знаковых сражений Вьетнамской войны.

³ Театральная труппа «Уки» (яп. 劇団雨期) существует на самом деле.

решительно не простит глупый вопрос или оговорку. Кажется, в прошлый раз на подобном мероприятии ученик средней школы, задавший щекотливый вопрос, полетел вниз со сцены.

— Ха-ха... ха-а...

— Но этим дело не кончилось. После этого он добил несчастного ученика «надгробной плитой»¹ и, вытащив из рукава штопор, начал размахивать этим крайне опасным оружием. Раскидав оцепеневших от ужаса людей, которые находились рядом, он схватил микрофон и стал кричать: «Я никуда не полечу с этим чокнутым Мэрдоком!»² Вот что о нём рассказывают.

— И что, всё это проделал руководитель театральной труппы?..

— Поэтому, Тидори-кун, и говорят: «Бери ношу по себе». Вопросы буду задавать я.

— Что ж, охотно вам уступаю... Но вы точно справитесь?

— Что-нибудь придумаю.

— Я к тому, что ваша навязчивая вежливость, сэмпай, может вывести из себя этого руководителя труппы, больше похожего на какого-то злодея-рестлера из кино...

— Такая стратегия даёт преимущество. Притворяешься самым добропорядочным старшеклассником и намеренно льстишь и лицемеришь.

— Когда вы так говорите, мне становится не по себе...

Не обращая внимания на её слова, Хаясимидзу перелистал свои документы.

— В назначенный день соберёмся пораньше и купим цветы. За полчаса до встречи. После этого перемещаемся в Горим-холл³... кгхм!.. У-угхм!..

По лицу секретаря школьного совета, Рэн Микихары, пробежала тревожная тень, когда он снова сильно закашлялся.

— Сэмпай, ваш вид действительно вызывает опасения...

— Ну что ты, нет. Ничего такого, что могло бы помешать мне исполнять свои обязанности... кгхм!..

— Сэмпай!.. — Рэн стремительно прильнула к упавшему ничком на стол Хаясимидзу. — Пожалуйста, будьте осторожнее, сэмпай. Если слюна попадёт на документы, бумага сморщится.

В кабинете повисло неловкое молчание. Хаясимидзу медленно отодвинул лежащие на столе документы.

— В любом случае... послезавтра не опаздывайте. На этом всё.

На следующий день, после окончания занятий, Сосукэ узнал от своего знакомого из школьного радиоузла, что Хаясимидзу не пришёл в школу.

— Похоже, его простуда осложнилась. Интересно, сможет ли он вообще прийти на завтрашний фестиваль искусств...

— Вот как...

— Может, стоит подумать, что следует предпринять в этом случае? Пока.

— Спасибо за совет.

Распрощавшись с ним, Сосукэ зашагал по направлению к кабинету школьного совета.

— Сосукэ, ты сегодня Хаясимидзу-сэмпая видел? — спросила догнавшая его Канаэмэ.

— Нет. Я слышал, сегодня он отсутствовал.

— Всё-таки простудился?

— Ага. Если так, следует решить, что делать с завтрашним фестивалем искусств... Ведь после публичного представления мюзикла, или как его там, его превосходительство планировал провести пресс-конференцию.

— А... — Канаэмэ, зевая, прикрыла рот рукой.

Всё тем же серьёзным и спокойным голосом Сосукэ продолжал:

¹ «Надгробная плита» (англ. «Tombstone piledriver») – приём в реслинге, при котором рестлер хватается противника, переворачивает его и с силой вбивает головой в пол, резко подогнув колени.

² Пародия на персонажа телесериала «Команда "А"», сержанта Боско Баракуса по прозвищу «Дурной Нрав». Также намекается на рестлерское прошлое актёра, сыгравшего эту роль.

³ Хаясимидзу оговорился и вместо «Грин-холл» сказал «Горим-холл». Расположенный в Тёфу Грин-холл служит местом проведения различных фестивалей и прочих массовых культурных мероприятий.

— В случае отсутствия его превосходительства президента из-за простуды, его обязанности берёт на себя его заместитель – то есть ты. Я думаю, ты достаточно храбрая девушка, и, несомненно, найдёшь способ как-то управиться с этим свирепым руководителем труппы... Не знаю, какой тайный план был подготовлен у его превосходительства. Но так или иначе... повод для беспокойства есть. Раздетая на глазах всех учеников школы, ты можешь подвергнуться неимоверному надругательству. Это будет жесточайшее унижение, которое даже невозможно себе представить. Необратимые страдания, и физические, и моральные, оставят в твоём сердце глубокую, неизлечимую рану, а эти кошмарные воспоминания скорее всего будут преследовать тебя и мучить всю оставшуюся жизнь. Но и это не всё. Из ненависти к этим воспоминаниям каждую постановку мюзикла ты станешь считать угрозой. И вскоре мишенью станут непричастные к случившемуся руководители трупп и даже целые театры, против которых ты, возможно, начнёшь совершать беспрецедентные по своей жестокости теракты. Разумеется, силы правопорядка этого так не оставят. И твои единомышленники из организованной тобой группы один за другим будут арестованы, а может быть, даже застрелены. Отдельный индивидуум перед громадной мощью целого государства попросту бессилён. Загнанная в угол беспощадно сжимающимся кольцом окружения, в конце концов ты всё же решишься на крайние меры. Ты будешь проталкиваться к сцене, и твоя фигура, обмотанная горой взрывчатки, станет последним, что увидят окружающие... Количество убитых и раненых наверняка превысит пятьсот человек. Одной из жертв окажется ни в чём не повинная маленькая девочка. За её смерть начнут жестоко мстить, и театральный мир будет сметён волной новых терактов. А затем...

От сильного пинка чуть ниже спины, который отвесила ему Канамэ, Сосукэ зашатался.

— Ты что?

— Заткнись! Хватит постоянно подрывать мою репутацию своими дикими, извращёнными фантазиями!

— М-м...

Канамэ схватила за голову. Сосукэ, потиравший ушибленное место, покрылся холодной испариной.

— А-а... И всё же попала я...

— Попала?

— Конечно же, до такого не дойдёт, но беседа с таким труднохарактерным дядькой будет делом утомительным...

— Не беспокойся. Я тебя прикрою. В крайнем случае, пристрелю этого руководителя труппы.

— Не смей!

— Тогда как насчёт забраться сверху на сцену и держать его под прицелом пистолета-пулемёта? Окружённый людьми, да под безмолвным давлением направленного на него ствола, противник обязательно и как следует ответит на все твои вопросы.

— Это будет уже не пресс-конференция, а допрос.

Сосукэ, нахмурившись, раздосадовано вздохнул:

— Ну вот... Я ведь только предложил.

— Да тебе только дай волю!.. Эй, это ещё что за мерзкая физиономия? Как-то она меня раздражает... — на висках Канамэ выступили жилки.

Сосукэ с мастерской невозмутимостью парировал её грозный взгляд:

— Вернёмся к вопросу о завтрашней встрече. Что делать будем?

— Что делать... Так. Первым делом попробуем до него дозвониться.

Канамэ на ходу достала мобильный телефон и набрала номер Хаясимидзу.

— Ну что?

— ...Недоступен. А у тебя?

Сосукэ попробовал позвонить со своего телефона.

— Безрезультатно. Наверное, села батарея.

— Всё, сдаюсь. Чёрт, это всё больше и больше меня беспокоит.

Тем временем они подошли к кабинету школьного совета. Внутри болтали друг с другом казначей Хаято Окада и завхоз Хироми Сасаки.

— Слушайте, вы не в курсе, как там Хаясимидзу-сэмпай?

— Ну... вообще-то, не знаю, — ответил Хаято.

— Кстати, я сегодня его и не видел, — заметил Хироми.

— А остальные? Рэн-сан?

— Ушла домой. Сказала, что сегодня у неё есть какие-то срочные дела.

— Хм...

— Ну, тогда как насчёт навестить его превосходительство? — внёс предложение Сосукэ.

— Навестить?

— Угу. Если телефон не отвечает, лучше будет встретиться с ним лично. Думаю, так будет проще всего решить, что предпринять завтра.

— Верно... Заодно купим что-нибудь от простуды. И если он поправится, может быть, сможет и на завтрашний фестиваль искусств прийти.

— Безупречная логика.

— Что ж, решено. Где у нас был список адресов? Кажется, он живёт недалеко от Китидзёдзи, так? — Канамэ торопливо обшарила ящики шкафа.

Услышав, что они отправляются к Хаясимидзу, Хаято и Хироми предложили составить им компанию.

Хаято Окада – смуглый подросток с патлатыми волосами, заплетёнными в дреды¹, которого без школьной формы можно было бы запросто принять за уличного хулигана. Хироми Сасаки – типичный смазливый юноша с гладкими, блестящими волосами. Оба худощавого телосложения.

Они пошли вместе с Канамэ и Сосукэ под предлогом совместной прогулки, но истинной причиной было всего-навсего простое любопытство. Собственно говоря, никто из них ни разу не бывал дома у Хаясимидзу.

Прежде, когда кому-нибудь из ребят случалось выходить на Китидзёдзи и было по пути с Хаясимидзу, тот избегал ненавязчивых предложений показать свой дом. «Советую не настаивать», – довольно категорично отвечал он. – «Особо упорствовать я не стану, но скорее всего, ни к чему хорошему это не приведёт. Боюсь, вы ещё десять раз пожалеете». От этих слов на душе кошки скребли, и настаивать уже никто не решался. Тем не менее, каждый из членов школьного совета не оставлял надежду, что однажды представится случай побывать там, где живёт Хаясимидзу.

И вот теперь, преисполненные великим чувством долга, они ни за что не хотели упускать такой шанс.

На остановке ребята вышли из автобуса, следовавшего по 5-ой улице, и оказались как раз между железнодорожными станциями Китидзёдзи и Ниси-Огикубо. Согласно записанному адресу, дом Хаясимидзу должен был находиться где-то поблизости.

Смеркалось. Жилой район, застроенный под завязку, сплошь состоял из роскошных частных домов. Внутри этого лабиринта и блуждали ребята, надеясь отыскать нужный адрес².

— Ничего себе особнячки! Живут же люди!..

— Да нет, напротив. Наверное, вполне обычные частные дома.

Пока Хаято и Хироми непринуждённо болтали, с противоположной стороны улицы к ним приближалась ученица из их школы. Девушка с блестящими иссиня-чёрными волосами держалась по-старомодному грациозно – это была никто иная как Рэн Микихара, секретарь школьного совета. Она шла немного скованно, держа в правой руке школьный портфель, и сумку для покупок – в левой.

¹ Дредлоки (англ. dreadlocks) или дреды – традиционная причёска ямайских растафари. Волосы заплетаются во множество прядей, которые долгое время сохраняют свою форму.

² Токио был и остаётся загадочным лабиринтом не только для приезжих, но и для местных жителей. Номера домов не несут никакой связи с их местоположением, нумерация идёт в порядке постройки.

— Рэн-сан?

Когда Канамэ окликнула её, Рэн заметила ребят и остановилась.

— Ах... — Рэн слегка растерялась от удивления.

— Что ты тут делаешь? А я-то думала, ты сегодня домой ушла.

— Нет... я... просто так, без особой цели, решила здесь прогуляться по пути домой...

— Разве твой дом не в совершенно другой стороне?

— Всё именно так, как ты говоришь. Похоже, я ошиблась, когда решила выбрать эту дорогу для возвращения. Что ж, всего хорошего...

Канамэ поймала за руку собравшуюся быстро уйти Рэн.

— Ты же пришла навестить сэмпая, верно?

— ...Честно говоря, так и есть, — с поразительной откровенностью призналась Рэн. — Я, как секретарь, решила по-своему позаботиться... Но я ни разу не посещала дом Хаясимидзу-сэмпая. Я надеялась отыскать его по записанному адресу, но, право же, окончательно заблудилась...

При этих словах щёки её зарделись.

— Хм-м... Как секретарь, значит?..

Ребята ехидно заулыбались.

— Кстати говоря, дом его превосходительства – тут, — заметил не принимавший участия в балагурстве Сосукэ, сверив по карте записанный адрес.

— ?..

Они стояли перед старым домом в европейском стиле.

Здание из красного кирпича немало повидало на своём веку. Стены и забор были обвиты густым плющом, и по сравнению с окружающими домами оно заметно выделялось, причём явно не в лучшую сторону. Не особо большой двор, бурно поросший бурьяном, похоже, ни разу не подвергался сколь-нибудь приличному уходу.

— Ты не ошибся?

— Дом №30 в третьем квартале должен находиться именно здесь, — подтвердил Сосукэ, взглянув ещё раз на записанный адрес под фонарным столбом. — Так или иначе, зайдём и узнаем.

Сосукэ открыл ржавые ворота и торопливо направился к входной двери.

— Постой-ка, Сосукэ!

— О ловушках можно не беспокоиться! Идёмте, — произнес это, Сосукэ постучал в дверь.

Ожидание затянулось.

Массивная дверь медленно отворилась, и на пороге появилась молодая женщина.

Это была не японка. Сексапильная прелестница в облегающей майке и коротких шортах была европейкой. Златовласая, голубоглазая. Сквозь растрёпанные длинные волосы она смотрела на них заспанными глазами.

— Простите...

— По какому делу? — вдруг бегло спросила она по-японски, и поражённые Хаято и Хироми от неожиданности внезапно попятнулись. — Говорю сразу – если какие-то денежные сборы, я отказываюсь. Поэтому здесь вам ловить нечего.

— Нет... видите ли... Здесь, вообще-то, должен проживать Ацунобу Хаясимидзу... — неуверенно произнесла Канамэ.

Девушка, расчёсывая свои светлые волосы, ответила:

— ...А-а, А-цу-но-фу. Ну, и что? Вы кто такие?

— Младшие товарищи по школе. Так... а вы кто, простите?

Эротично улынувшись, незнакомка подмигнула:

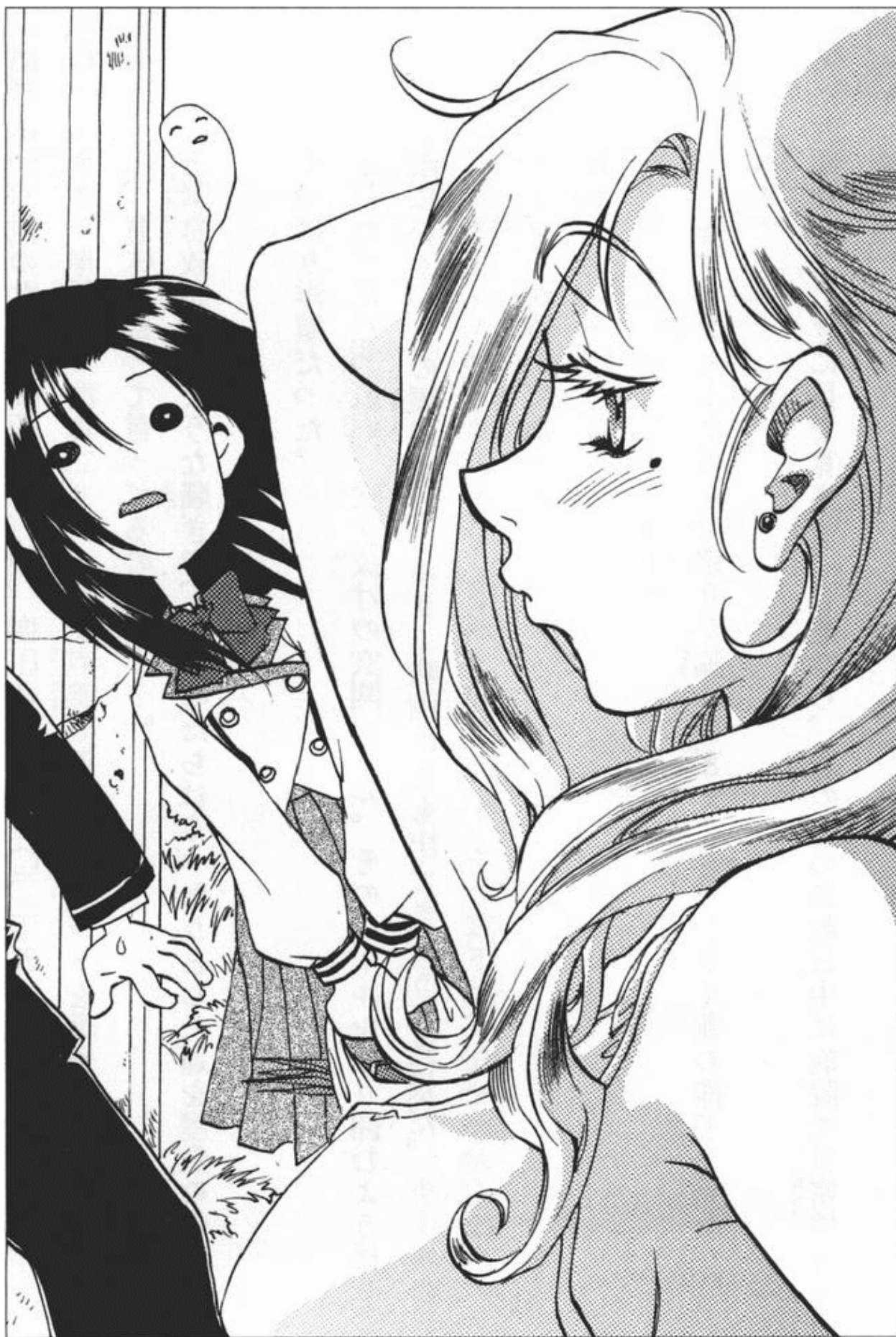
— Его де-вуш-ка. Мы с ним вместе живём.

— Чт...

?!!

Всю компанию, за исключением Сосукэ, одновременно хватил кондратий.

Его девушка. Девушка Ацунобу Хаясимидзу!

Получается, лучший ученик школы, Ацунобу Хаясимидзу, пользующийся безграничным доверием как президент школьного совета, живёт вместе с этой светловолосой красоткой!..

— Это же сожительство! Мир «Кандагавы»¹! — воскликнул Хироми.

— Взрослый... Сэмпай действительно взрослый! Причём во всех отношениях!.. — подхватил Хаято.

— Ах, Господи!.. Что же, что же с этим миром происходит?! — рыдающим голосом возопила Канамаэ, взывая к небесам.

Девушка пожала плечами.

— Ну, я, вообще-то, пошутила.

— ...

Все трое разом рухнули на колени.

— Пошутили?

— Ну да. Впрочем, мы и правда живём тут все вместе. Я Наталья Чудакова. Приехала на заработки из раздираемой гражданской войной Сибири... Эй, что это с ней?

Следуя за взглядом Натальи, ребята обернулись.

— Рэн-сан?..

Нет ответа. Полная отрешённость.

Все рассеянно уставились на Рэн, как вдруг она повалилась назад...

Бац!

Падая, Микихара ударилась затылком о колонну крыльца и осталась лежать неподвижно.

Соорудив носилки из удачно подвернувшегося дорожного информационного транспаранта, приставленного к фонарному столбу, ребята занесли Рэн в дом.

— Немедленно подготовьте аптечку, карету скорой помощи и доктора Грина²!

— Микихара-сэмпай, вы меня слышите?! Мы вас обязательно вытащим!

— Пациент: девушка шестнадцати лет. Травма затылка. Кровяное давление – 110 на 60, частота дыхания – 30...

— Первая группа крови, резус отрицательный! Капельницу на два литра физраствора! Подготовить набор для интубации!

— Эй, вы сами-то понимаете, что за чушь городите?..

Именно так ребята и перенесли в дом упавшую без чувств Рэн, устроив при этом суматоху как в отделении интенсивной терапии.

Внутренняя планировка здания тоже была в западном стиле.

По пустынному, чересчур просторному вестибюлю гулял ветер. Вдоль вестибюля, на первом и втором этажах, цепочкой расположилось множество дверей. Зрелище, вполне подходящее для какого-нибудь ужасика. С потолка свешивалась большая люстра – и прямо под ней зачем-то были поставлены стол и обшарпанный диван.

— Положим её сюда?

— Хорошо. Перекладываем? Раз, два, три!

Рэн с глухим шумом переложили на диван. Сосукэ опустился рядом на колени и быстро её осмотрел.

— ...Ну как?

— В общем, нет проблем. Скоро должна очнуться. Чтобы не беспокоиться, для верности можно будет провести тщательное медицинское обследование в течение нескольких дней, — невозмутимо отрапортовал Сосукэ.

— Похоже, недавнее заявление о сожительстве очень сильно шокировало её...

¹ «Кандагава» (яп. 神田川) – песня-лидер японского музыкального хит-парада середины 70-х за авторством Китадзё Тадаси и Минами Косэцу, по мотивам которой был снят одноимённый фильм. Песня очень популярна в Японии у молодых незамужних пар.

² Доктор Марк Грин – персонаж из американского телесериала «Скорая помощь» (англ. «ER» от англ. Emergency Room). Вся эта суматоха и представляет собой пародию на этот телесериал.

— Увидев вчера, как она повела себя, я даже было подумал: «Неужели он и вправду ей безразличен?..» А оно эва как получается...

— Угу. Выходит, она и ушла раньше, чтобы купить продуктов, потому что хотела сама что-нибудь ему приготовить...

Пока Хаято и Хироми взволнованно соглашались с ней, Канамэ окинула взглядом помещение и спросила Наталью:

— Кстати, а что это за дом такой?

— А-а, ну это...

Только Наталья собралась ей рассказать, вдруг послышалось, как распахнулась дверь комнаты, выходящей в вестибюль. Это была дверь на втором этаже.

— У-у... Что за шум? — спросил кто-то по-японски с сильным акцентом.

На пороге появился темнокожий юноша, потирающий заспанные глаза.

— Нельзя. Нельзя так, ребята. Думаете, который сейчас час? Спать мне не даёте.

Затем отворилась соседняя дверь, и оттуда вышел белый мужчина со встрёпанными волосами и в поношенном домашнем халате. Он недовольно проворчал:

— Чево расшумелись... Наталья, дорогая, когда я сплю, води себя по деликатней. Я прошу, ну правда.

Открылась ещё одна дверь, и перед ними предстал бритоголовый чернокожий пастор в рясе со стоячим воротничком. На нём были круглые тёмные очки, а под мышкой он держал ноутбук.

— Неу ман! Доброе утро всем! И вот ещё один прекрасный день! Да будет повсюду услышан глас Господень, что душу трепетом благословенным наполняет! — приветствовал он всех зычным, гармоничным голосом.

Показавшиеся один за другим квартиранты были все как один иностранцами. Ребята растерянно взирали на них.

Мир переживал не лучшие времена.

В последнее время в результате общеполитического кризиса даже в обычных многоквартирных домах, судя по сообщениям в СМИ, остро стояла проблема нехватки квартирoсъемщиков. И тем не менее, если большинство комнат просто пустовало, то, как правило, касательно недвижимости лучшим решением было сдавать комнаты иностранцам, даже несмотря на то, что их довольно холодно принимали. И похоже, домовладельцев, считающих так же, с каждым днём только прибавлялось.

Появились так называемые «дома иностранцев». Этот дом как раз и был разновидностью подобного дешёвого пансиона, или попросту говоря, общежитием. Планировка дома не менялась с момента постройки, и за всё это время не было произведено практически никаких ремонтных работ. Свободные комнаты жители использовали по своему усмотрению, а туалет, ванная комната и кухня были общими. Диван, на который уложили Рэн, также был общим. Вот, собственно, как всё и было.

Вышедшие в вестибюль странные иностранцы пристроились у дивана.

— Так значит, Хаясимидзу-сэмпай у себя? — спросила у них Канамэ.

— Он вроде что-то говорил вчера о небольшой простуде. Впрочем, с тех пор я его и не видела. А вы что-нибудь знаете? — обратилась Наталья к остальным.

— Не знаю.

— Я тоже.

— Один только Господь ведает!

Все трое отрицательно покачали головами.

— А где его комната?

— Там, на втором этаже. Самая крайняя.

— Спасибо.

Канамэ быстро поднялась по лестнице и постучала в дверь комнаты Хаясимидзу. Никакой реакции. Она настороженно прислушалась, но не было никаких признаков, что внутри кто-то находился.

— Похоже, его нет, — сообщила она, вернувшись обратно. — Есть предположения, куда он мог пойти?

— Не знаю. Я ведь до этого спала. Он мог и в больницу отправиться. Лечение может затянуться допоздна, хотя клиника тут поблизости. Ну что, может, вы его немного подождёте?

— Хм...

Посоветовавшись, ребята решили немного подождать Хаясимидзу. Тем более, Рэн всё ещё была в обмороке.

— Что ж, мы, пожалуй, воспользуемся вашим предложением, — сказала Канамаэ.

Жильцы переглянулись, и на их лицах промелькнули лёгкие улыбки.

— Ну конечно! Чувствуйте себя как дома, милые дети мои! — подозрительный чернокожий пастор всплеснул руками и резко подался вперёд. — Позвольте представиться. Я – Биз О’Нил. Как видите, слуга Божий. Разве оставим мы гостей наших томиться в ожидании и не окажем им радушный приём? Нет-нет, не стоит беспокоиться! Сегодня все свободны. Хотите что-нибудь выпить? У нас есть столько всего! «Курс» и «Будвайзер», «Хайнекен» и «Супер Драй»¹...

Пастор вытащил из стоящего позади дивана холодильника множество различных банок и расставил их на столе.

— Это же пиво, не так ли?

— Не любите пиво?

— Как сказать... мы ведь ещё несовершеннолетние.

— Ну и что с того?

— Несовершеннолетним запрещено пить алкоголь!

Пастор О’Нил поправил очки на переносице.

— Прекрасная девушка! Это закон, установленный правительством. Орудие государственных деятелей, являющихся приспешниками Сатаны, — отрицать обычные житейские потребности человека! Таким образом они притесняют братьев наших по всему миру.

— А-а.

— Но нельзя поддаваться их козням, девушка! Если они запрещают, нам следует храбро, не теряя мужества, им противостоять. Просто тянем за язычок...

Банка открылась с характерным пшиком, и наружу с шипением устремилось открытое пиво.

— Прикладываем к губам как в страстном поцелуе...

Он сделал несколько больших глотков.

— ...Пха-а!.. Great!!! Поистине чудесно! Спасибо, Господь, за пищу сегодняшнюю! — вволю напившись, он восторженно поднял глаза ввысь. — Поняли? Вот оно, восстание. Теперь же вы своими молодыми силами поддержите эту борьбу!

— А ты точно священник?.. — пробормотала себе под нос Канамаэ.

Хаято, не долго думая, протянул руку к стоящему на столе пиву.

— Ну, тогда приступим.

— Постой-ка! Окада-кун?

— Не надо читать мне нотаций. Сейчас это обыденное дело. В наших классах народ ведь отрывается после окончания всяких спортивных соревнований?

— Да, да. Выпьём немножко пива, что в этом плохого? — выказав единодушие, Хироми тоже взял в руку банку пива.

— Великолепно! Вы истинные храбрецы, озарившие лучиком света непроглядную пучину зла! А теперь давайте, выпейте залпом!

Подзуживаемые О’Нилом, Хаято и Хироми чокнулись банками.

— Кампай!.. Ну же, Тидори-сэмпай, Сагара-сэмпай, не стесняйтесь!

— Вот. И вы тоже сделайте этот великий первый шаг! — открыв по банке «Супер Драй», О’Нил протянул их Канамаэ и Сосукэ.

— ...

¹ Марки пива.

Довольно холодная серебристая баночка, покрытая бесчисленными прозрачными капельками. Так соблазнительно лопаются пузырьки. И кстати, чувствуется небольшая жажда. Да и любопытство гложет.

— ...Ну, только чуть-чуть, — сказала Канамэ, взяла в руки банку и чисто символически пригубила пива.

— О-о-о!..

Все, кроме Сосукэ, одобрительно зааплодировали. Если присмотреться, то помимо О'Нила, другие постояльцы тоже стали открывать банки и пить пиво.

— Как всё это мило выглядело...

— Правда. Так невинно... Но так потрясающе...

— Э? А я не видел! Милая мисс, не выпьете ли ещё раз?

От неожиданных комплиментов Канамэ засмушалась.

— А? Ну... я...

— Пей! Пей! Пей!..

Не зная, как отказать под хором этих возгласов, Канамэ сделала ещё один глоток.

— О-о-о!..

Последовали бурные аплодисменты. Канамэ сконфуженно засмеялась:

— Ха... ха-ха... Сосукэ, а ты?

— Я воздержусь, — равнодушно ответил Сосукэ.

Наталья наклонилась к нему:

— И почему же?

— Гм. Алкоголь разрушает клетки головного мозга.

— ...Ну, тогда как насчёт апельсинового сока?

Она вытащила из холодильника бутылку с соком и торжественно наполнила высокий стакан.

— В таком случае, с удовольствием выпью, — почтительно приняв стакан, Сосукэ быстро его осушил. — ...Странный вкус.

— Сок настоящий. Он полон солнечного света и радушия крестьян Эхимэ¹. Вот поэтому-то их сок и отличается от других.

— ...Вот, значит, как. Век живи – век учись.

— Выпьешь ещё немного?

— Пожалуй, ещё стаканчик.

Когда Сосукэ протянул стакан, Наталья коварно улыбнулась.

Прошло около часа, все вяло продолжали пьянку. О'Нил принёс CD-магнитоу. Канамэ, с упоением слушая знаменитую песню Джеймса Брауна², порядком расслабилась и повеселела. Как и говорил О'Нил, скучное ожидание превратилось в по-своему весёлую вечеринку.

Хаясимидзу по-прежнему где-то пропадал.

— Кстати... — начала разговор Канамэ, держа в руке третью банку пива, — А почему в этой общаге... простите, а почему и сэмпай здесь живёт?

— Ну конечно потому, что квартплата низкая.

— Ну живёт тут японец, неужто это худо?

— Так здóрово: он ещё такой молодой, а на обучение и на жизнь уже сам зарабатывает. Ох-хо-хо! Разве это не трогает за душу? Даже Господь Всемогуший наверняка не смог бы сдержать слёз своих!

Странные иностранцы с воодушевлением высказались на этот счёт.

Канамэ вспомнила, что прежде ей уже довелось слышать, что Хаясимидзу был фактически изгнан родителями из родного дома. Само собой разумеется, те полагали, что он будет

¹ Префектура Эхимэ (яп. 愛媛県) – префектура, расположенная в районе Сикоку на острове Сикоку, Япония. Там действительно выращивают цитрусовые, правда, исключительно мандарины.

² Джеймс Джозеф Браун мл. (3 мая 1933 – 25 декабря 2006) – американский певец, признанный одной из самых влиятельных фигур в поп-музыке XX века, «крестный отец соула». Песня «I Got You (I Feel Good)» стала его «визитной карточкой».

поступать в элитную частную школу, но из-за неких обстоятельств Хаясимидзу, несмотря на родительский ультиматум, резко поменял своё решение и поступил в старшую школу Дзиндай¹.

— Похоже, сэмпай немало пережил... — пробормотал Хироми с покрасневшим лицом.

Канамэ улыбнулась сквозь надвигающуюся дрёму:

— Да-а. Он и впрямь потрясающий! Не полагаясь на родительские деньги, в одиночку отправился, так сказать, в плавание по жизни. Что и говорить, такой классный... Я увидела его в совершенно другом свете.

Сосукэ, стоящему рядом с восторженно восхищавшейся Канамэ, вдруг вспомнилась его собственная непростая жизнь, отчего он слегка покачал головой.

— А ты чего? Пантомиму изображаешь?

— ...Нет...

Не обращая внимания на потупившегося Сосукэ, которого она ненароком уязвила, Канамэ в очередной раз отхлебнула пива.

— Гм... Не знаю, чего он там пережил, понятия не имею, как он там зарабатывает, но среди жильцов он пользуется большим влиянием и уважением, — скрестив руки, пробурчала Наталья.

— Правда?

— Угу. Каждое утро читает здесь газету «Nikkei»². Курс акций, что ли, изучает?.. А когда играет с нами в покер или маджонг³, никогда не проигрывает.

— Стопроцентный источник дохода...

Раз сюда даже газеты доставляют, тогда это вообще просто потрясающее место. Подумав так, Канамэ полностью расслабилась...

— Ва-у!!! Ай фил гу-уд! Па-ра-ра-ра-ра-ра-ра! Ай нью зет ай вуднт оф! Па-ра-ра-ра-ра-ра-ра!.. — загорланил Хаято Окада, подпевая и пританцовывая под мелодию из магнитола, и открывая уже шестую банку пива.

Постояльцы, однако же, поддержали его выходку, подбадривая криками, улюлюканьем и рукоплесканием.

— А-а... Совсем распоясался. Веди себя прилично! Ха, ха, ха!.. — загоготав, Канамэ обратила свой взгляд в сторону Хироми Сасаки.

Тот о чём-то горячо спорил с белым мужчиной с причудливым, как у кансайцев, выговором⁴. Вдруг Хироми вспрянул и повысил голос:

— Ты что, не понимаешь?!

— Чево?

— То, что VF-0 и SV-51 значительно отличаются от того истребителя! У него уже установлена электронная маскировочная система, похожая на ECS⁵, поэтому радары прошлого поколения он не обнаруживается!

— Тогда с какого перепугу VF-17 так похож на них внешне?! Де логика?!

— Разве я недостаточно хорошо объяснил, что этот тип невидимости предназначен для подавления электронных средств обнаружения следующего поколения у VF-0?! Короче говоря, активный камуфляж истребителей-варитеков⁶ достиг предела во втором поколении! Даже радар

¹ События описаны в рассказе «Tsuioku no Innocent» из четвёртого сборника коротких рассказов серии FMP.

² «Nihon Keizai Shimbun» (яп. 日本経済新聞) или сокращённо «Nikkei» (яп. 日経) – ведущая экономическая газета, которая ведёт расчёт Nikkei 225, одного из важнейших фондовых индексов Японии.

³ Маджонг (кит. 麻將) – исконно китайская азартная игра в фишки с использованием игральные кости для четырёх игроков (каждый играет за себя). Широко распространена в Китае, Японии и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

⁴ Понятие «кансайский диалект» или «кансайский говор» (яп. 関西弁) охватывает группу родственных диалектов японского языка района Кансай. К кансайским диалектам, среди прочих, относятся диалект Киото (яп. 京言葉) и диалект Осаки (яп. 大阪弁), на слух носителей литературного японского более мелодичный, но жёсткий и ёрнический.

⁵ ECS (Electromagnetic Concealing System) – фантастическая система, позволяющая замаскировать боевую технику в радиолокационном, оптическом и других диапазонах.

⁶ Истребители-варитеки (англ. Advance Variable Fighter), в частности, упомянутые VF-0, VF-1, VF-17 и SV-51 – фантастические летательные аппараты из вселенной Macross.

в носовой части VF-1 наверняка другой системы, в отличие от предыдущих. Скорее всего, что-то вроде сверхширокополосной РЛС¹, наподобие ECCS². Однако принцип действия не такой, как у фазированных антенных решёток³!.. Чёрт возьми! Ну что это за старая педантичная привычка всё разжёвывать до посинения! Радоваться, как нынешние подростки-отаку, подловившие кого-то на ошибке! И что, ничтожный я должен теперь убить себя? Совесть у тебя есть?!

— Т-ты это мне говоришь?! Да я тебя!..

— А-а! Только без рук!

Тарабарскую перебранку, переросшую в потасовку, остальные оставили без внимания. Вряд ли кто-то, кроме этих двоих, смог бы вникнуть в их витиеватые разногласия.

— И там тоже ведите себя прилично!.. — загоготав, Канамэ допила пиво.

Настроение было отличное. Какие-то неотложные дела завтра утром, где-то кого-то там ждать, кого-то поздравлять – всё это как-то окончательно позабылось.

Да. Замечательное чувство.

Отчего-то тяжелеют веки, слипаются глаза. Телу приятно и тепло. Кстати, даже немного жарковато. Надо бы раздеться. Бант душит. Распустим его. Несколько пуговиц на блузке тоже расстегнём... так. Грудь, наверное, видно... Ну и ладно. Ногам тоже жарко. Носочки долой... Противная юбка давит живот. Ах, нет, на этом остановимся... А-ха-ха.

С развязным выражением лица прислонившись к дивану, Канамэ открыла новую банку пива.

Среди всеобщего разгула она случайно увидела Сосукэ, который уединённо попивал апельсиновый сок.

— До сих пор пьёшь свой сок? Упрямый осёл!.. Вот тебе!..

Канамэ как-то непривычно по-дружески пихнула Сосукэ в затылок.

— ...Я, вообще-то, мусульманин.

— Ха, ха, ха! Во как.

— «Вообще-то» – это грубо говоря. Я вырос в Афгане. А все без исключения моджахеды исповедовали ислам.

— Впервые это слышу! Ха, ха, ха!

Обычно такие неожиданные факты слегка удивляли её, однако сейчас Канамэ это просто смешило.

Сосукэ угрюмо продолжил:

— ...Особо строгих рамок нет, но тем не менее, есть основные заповеди, которые нельзя нарушать.

— Хм-м. Тогда почему такое категоричное отношение к спиртному?..

— Строго говоря, запрета на абсолютно весь алкоголь нет⁴.

— Ну и выпил бы.

— Ни в коем случае. Пить алкоголь – неразумный обычай. И не только спиртное... но и женщины. Особенно, как сказать... это.

Он машинально указал на её обнажённые ноги.

— Когда я... пришёл в японскую школу... многое меня ошарашило. В первую очередь... женская одежда. Все в таких коротких юбках...

— А-а?

— Хочу, чтобы ты поняла меня правильно. А... о чём я. В Афгане таких женщин не было. По мне, так это всё равно что нагота. Из-за ответственности к миссии, то ли ещё по какой-то

¹ Радиолокационная станция (радар).

² ECCS (Electronic Camouflage Counter System) – фантастическая система, предназначенная для обнаружения боевой техники, находящейся в режиме ECS.

³ Фазированная антенная решётка – антенная решётка с управляемыми фазами или разностями фаз (фазовыми сдвигами) волн, излучаемых (или принятых) её элементами. Используется в наземных и космических устройствах радиосвязи, радиолокации, радиоастрономии и т. д.

⁴ На самом деле в исламе полностью запрещён любой алкоголь. Однако караются мусульмане не за сам факт потребления алкоголя, а за его последствия, потому как алкоголь часто применяется, например, в медицинских целях.

причине, я старался не придавать этому значения, и даже вроде бы привык... Так сказать, окунулся с головой. Этот вид... откровенно говоря, всё же больше всего меня... изумляет. Я человек холостой, но... вокруг же много женатых. Хотя кое-кто и говорит, что это... э-э... глаз отрада... всё-таки для меня... тело чересчур открыто.

Язык отчего-то стал непослушным и начал заплетаться; мысли путались.

Самое главное, Сосукэ никогда раньше не жаловался по этому поводу, да ещё в таком виде. Ведь Сосукэ, которого знала Канамэ, был всегда хладнокровен и с невозмутимым выражением на лице!

Впрочем, способность Канамэ соображать тоже резко упала. «Чудик...», – только и подумала она.

— Гм-м... Что-то я совсем тебя не понимаю.

— Разумеется... я тебя не виню. Просто хочу, чтобы ты поняла: иногда... надо уметь сдерживаться. Тем более ты...

— Я?..

— ...Как же это... забыл.

— Что-о?.. Чурбан ты бесчувственный-ый...

Канамэ глухо стукнула Сосукэ по спине.

— Мне так стыдно. Кажется... в сок добавлен алкоголь... И всё же... как сказать... ты особенная.

— Это и так ясно... Чуди-илка!.. А-ха-ха-ха!..

— Тидори... не надо меня обнимать.

— А-ха-ха-ха!.. Такой неуклюжий... Как бонта-кун... Ми-иленький...

Канамэ крепко сжала Сосукэ в своих объятиях. Внутри застучало, раздаваясь глухими ударами по всему телу. Лицо Сосукэ стало пунцовым; он беспорядочно замахал руками, тщетно пытаясь освободиться.

Тем временем.

— Уа-ха-ха-ха-ха-а!!! — разразилась оглушительным хохотом компания во главе с Хаято, обсуждая что-то скабрёзное.

Хироми с «кансайцем», кажется, помирились и, обменявшись напоследок словами: «Больше так не делай!» – «И ты тоже!», скрепили мир крепким рукопожатием. Незаметно очнувшаяся Рэн Микихара, поддавшись увещаниям О’Нила, маленькими глоточками пила сакэ. Сосукэ, наклюкавшегося смешанной с соком водки, совсем развезло. А заявление Натальи, что она работает топлес-стриптизёршей, почему-то было всеми встречено громом аплодисментов.

— Обалдеть! Правда?! Обхватываешь шест и раскачиваешь бёдрами? Как в том старом американском детективе?!

— Именно! Главное – умение двигаться. Попробуешь, Канамэ-тян? Ну её, эту школу!..

— Ха, ха, ха! Хорошо! Вот!

Схватившись за воображаемые пилоны, Канамэ вместе с Натальей начали плавно извиваться, эротично покачивая бёдрами. Сосукэ схватил её за руку и мученически пролепетал:

— Нет... я... не позволю... Тидори!..

— Шу-чу! Шу-чу! А ты что подумал, шалунишка?!

Игриво шлёпнув его по затылку, Канамэ безудержно загоготала. В глазах потемнело. Всё вокруг поплыло. Голова стала вялой.

Ни с того ни с сего Тидори обратилась к остальным:

— Я – лучше все-ех?..

— Хуже все-ех... — пренебрежительно отозвались они.

— Весело же-е... Сколько сейчас времени?..

— Не зна-аю. Но недавно по телеку новости профессионального бейсбола крутили...

Значит, уже определённо минул двенадцатый час ночи. Ну и ладно. Да и Хаясимидзу-сэмпай всё ещё не вернулся.

— Та-ак, та-ак!..

— Лучшая из лучших, Канамэ Тидори, раздевается!

— О-о-о?!?

— Прекрати... Тирори... — простонал Сосукэ.

— А вот и не-ет! Не раздева-аюсь!

— Бу-у!.. Бу-у!.. — бурно выразил своё недовольство народ.

Сосукэ рухнул как подкошенный. Вдруг со своего места громко отозвалась Рэн:

— Сожительство – это слишком!..

— Об этом уже говорили...

— Значит... тогда... мои глубочайшие извинения, — Рэн обессилено легла на диван.

Вслед за ней подал голос Хироми:

— Вот поэтому возможности маскировочной системы VF-0...

— И об этом уже говорили...

— Но ведь маскировка...

— Хватит, заткнись!..

Бах, бах! Бах, бах, бах!

Целясь под ноги Хироми, Канамэ открыла огонь из автоматического пистолета. Во все стороны полетели искры и кусочки бетона. Из чёрного отверстия дула потянулась струйка дыма.

— Уа-а! Тидори-сэмпай, пожалуйста, перестань!..

— Гм-м?..

Уставившись на пистолет Сосукэ, непонятным образом оказавшийся в её руках, Канамэ в недоумении склонила голову. Сосукэ бессознательно схватил её за плечи.

— Тирори... отдай ствол.

— Ну нет. Теперь я за всё расквитаюсь... А-ха-ха-ха-ха-а!

Бах, бах! Бах, бах, бах, бах, бах, бах, бах, бах, бах, бах!

Раззадорившись, она открыла беспорядочную стрельбу по потолку. Скрикошетившая пуля перебила цепь, на которой была подвешена огромная люстра, и та незамедлительно рухнула вниз.

Дзинь!

Всех собравшихся вокруг стола им и придавило; во все стороны разлетелись осколки стекла, брызги пива и шрапнель из солёных орешков.

— Все живы?..

— Жи-вы... — беззаботно ответили все.

— Так. Ну, а дальше у нас вот это...

Отбросив пистолет с опустевшей обоймой, Канамэ блистательно подняла над головой ручную гранату, всё тем же загадочным образом оказавшуюся у неё в руках.

— Тирори... Это не игрушка. Это очень опасно. Верни...

Канамэ обернулась и, приблизившись вплотную, нос к носу, заглянула в лицо побледневшего и затаившего дыхание, предостерегающего её Сосукэ. Она вдруг почувствовала небольшую досаду.

— Хо-хо...

Щёки пылают, на глазах вот-вот выступят слёзы. Её возбуждённое лицо целиком заполнило его поле зрения.

— Ты постоянно так поступаешь, мучаешь меня. Каждый божий день. Сколько, сколько же мне ещё из-за тебя волноваться и переживать? Вечно всем доставляешь одни неприятности, скажи, разве нет?

— Я... виноват. Очень виноват, но верни...

— Когда ты пялился на мои ноги... По правде сказать, я сама тебе это позволила... А-а, это было так приятно... А-ха-ха-ха... ха.

— Тирори...

— Но всё равно... Ты должен хоть раз почувствовать то же самое. Ясно?

Сосукэ придвинулся ближе.

— Но...

Чмок.

От поцелуя прямо в кончик носа Сосукэ полностью оцепенел. Вся мозговая деятельность приостановилась, любые действия стали невозможны.

— Хи-хи...

Проворно отодвинувшись от него, Канамэ, как ни в чём не бывало, закричала остальным:

— Ну, поехали!.. Баба́х! Баба́х!..

— Ни черта не поняли, но гоу, гоу!..

Все одобрительно замахали руками.

— Сейча-ас! Выдёргиваем чеку... и броса-аем... Все, ложи-итесь!..

Все беспрекословно подчинились. Описав небольшую дугу, граната кубарем покати́лась по полу.

БАБАХ!

Граната взорвалась с оглушительным грохотом. Взрывная волна и разлетевшиеся осколки сотрясли здание. Вдребезги разлетелись оконные стёкла, с потолка посыпалась штукатурка.

— Бра-во-о!..

Все дружно зааплодировали.

— Т-тирори...

— А тут их ещё много... Ложись, ложись, ложись!..

Вытащив ещё несколько ручных гранат, Канамэ начала швырять их налево и направо по всему вестибюлю.

* * *

Раннее утро, шесть часов. Дорога к западу от Ниси-Огикубо.

— Здесь направо?! — громко прокричал водитель мотоцикла, Кёя Кусакабэ.

— Да, направо! — так же громко ответил сидящий в коляске Ацунобу Хаясимидзу.

Из-за шлема на голове и сильного встречного ветра обычный голос расслышать было невозможно.

— А потом прямо?!

— Сразу за следующим перекрёстком!

Мотоцикл остановился подле старого дома в европейском стиле, расположенного посреди мирно спящего, освещаемого лучами раннего утреннего солнца жилого района. Приятный звук, издаваемый двигателем, внезапно прекратился, и окрестности вновь погрузились в безмятежную тишину.

— ...Ты уж прости, что так бесцеремонно попросился переночевать. Я очень тебе признателен, — сказал Хаясимидзу, сняв шлем и выйдя из коляски.

Кусакабэ отвернулся с кислой миной на лице и, чувствуя себя немного неловко, ответил:

— Оставь ты эти свои благодарности. Меня от них тошнит... Так это что, твой теперешний дом?

— Да.

Кусакабэ внимательно посмотрел на дом, в котором жил Хаясимидзу, и шмыгну́л носом.

— Ну что, занюханный, конечно, но вполне себе сносный особнячок. А я-то думал, тут вообще какая-то страшная развалина будет, хотел даже сказать что-то вроде: «Будешь там жить — ещё больше простудишься».

— Не говори ерунды. Вот соседи мне очень шумные попались. Почти каждый вечер устраивают попойку по любому поводу. Чуть только потеряешь бдительность — и они уже тут как тут, ломятся в комнату. Чтобы противостоять их настойчивости, надо обладать недюжинным упорством.

— Хм-м...

— И простуда эта при́шлась весьма кстати. Похоже, даже смогу на сегодняшнем школьном фестивале присутствовать. Правда, с сегодняшнего вечера снова придётся отбиваться и увиливать от их «заманчивых» предложений выпить.

— Ну и ну. Да ты в беде.

— Ну что ты. Отличный способ узнать больше о людях. Кстати, может, зайдёшь ненадолго?

Кёя Кусакабэ ненадолго задумался над предложением Хаясимидзу, затем, пожав плечами, ответил:

— ...Пожалуй. Как раз вернёшь мне CD, который брал когда-то.

— CD?

— Тот самый альбом, что я одолжил у Томоко.

— ...Значит, это был её альбом...

Оставив мотоцикл, они направились к зданию. Пройдя через ворота, они подошли к крыльцу и...

Разбитая в хлам массивная двухстворчатая дверь валялась во дворе. Судя по обгоревшим с одной стороны обломкам, можно было заключить, что она была снесена каким-то взрывом внутри здания.

— Чё за?..

— Понятия не имею.

Нахмурившись, они прошли в пустой дверной проём.

Внутри перед их взором предстало ужасающее зрелище.

Разваленный стол. Вдребезги разбитая люстра. Огромная дыра в стене. Многочисленные следы от пуль на потолке и испрещённый воронками от взрывов пол. В помещении стоял тяжёлый запах спиртного вперемешку с запахом пороха.

А кроме того, в вестибюле и на лестнице там и сям лежали люди...

Груда бесчувственных тел. Время от времени раздавался чей-то тягостный стон и эхом проносился по вестибюлю:

— Как плохо... Как мне плохо!..

— Воды... Дайте воды...

Кроме самих жителей, можно было увидеть лежащих вповалку членов школьного совета вместе с вице-президентом.

Ребята как вкопанные застыли на входе.

— Вот так-так... И что же здесь, интересно, произошло?.. — пробормотал Хаясимидзу.

— Третья мировая война, что ли?..

В конечном итоге, в этот день на фестивале искусств из всех членов школьного совета присутствовал лишь один Ацунобу Хаясимидзу. Отсутствие остальных было объяснено «обострившейся простудой», на самом деле оказавшейся банальным, хотя и очень тяжёлым с непривычки похмельем.

Вышеупомянутый руководитель труппы в действительности оказался не такой уж устрашающей личностью. Как это обычно бывает, слухи оказались слишком преувеличены.

Завершая историю, следует поведать и о наших героях.

Кое-как оклемавшаяся к полудню Канамаэ почти полностью утратила память о событиях прошлой ночи. Увидев ту жуткую картину, какую представлял из себя дом после вчерашнего, она пришла в неопишемую ярость и с криком «Снова ты?!» набросилась на Сосукэ.

Воспоминания Сосукэ тоже были туманными и неопределёнными. Чувствуя какую-то неудовлетворённость, он всё же покорно принял экзекуцию. Наказание это отчего-то казалось ужасно несправедливым... Впрочем, так оно всегда и было.

И если оставить в стороне причинённый этому гостеприимному дому ущерб, то только одно не давало покоя Сосукэ — что же это за сладостное ощущение, оставшееся на кончике носа?..